

Еженедельник общественной и политической мысли

„POSSEV“

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland Social and Political Review in Russian Language. Germany Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne

Издательство и редакция: Limburg/Lahn, Verlag „Posse“. Bankkonto: Limburger Bank V 14. Postscheckkonto: Frankfurt/M 33.461. Условия подписки в Германии: 5 ном.—3 НМ, 10—6 НМ, 15—9 НМ, и т. д. Условия приема объявлений: 1/64 стр.—7 НМ, 1/32—13 НМ, 1/16—25 НМ, 1/8—50 НМ, 1/4—90 НМ, 1/2—180 НМ, 1 стр.—360 НМ Розыски—20 пф. слово.

Выходит по воскресеньям.

Цена номера в розничной продаже 70 пфен.

V год

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 26 ИЮНЯ 1949 ГОДА

№ 26 (161)

РУХНУВШИЙ МИФ

Е. Ромапов

Восемь лет тому назад воскресный день — 22 июня 1941 года — вошел в нашу жизнь, в жизнь нашего народа, вашей родины неизгладимо и судьбоносно. В тяжелой, подобной предгрозовой духоте, атмосфере предвоенных лет, атмосфере, предопределенной страшными годами ежовщины, бесперспективностью «социалистического строительства», все усиливающимся духовным гнетом слово «война» прозвучало как ... невозможно подобрать сравнение, которое передало бы весь тот сложный комплекс чувств, пробужденный в сердцах и душах наших.

Когда сейчас читаешь официальные религии, печатаемые на страницах «Правды», «Известий» и прочих большевистских газет, литературные произведения сталинских лауреатов, посвященные этому периоду в жизни нашей страны, то вся их убогость, духовная нищета, неуклюжая лживость ярко выявляются при одном воспоминании о пережитом и пережитом каждым из нас в первые дни войны, не говоря о всем страдном пути, выпавшем на долю нашего поколения в военные годы. Так дневной свет беспощадно разоблачает тщетные попытки старухи белилами и румянами скрыть следы неумолимого разрушения.

Подводя итоги военных лет, принято подсчитывать число убитых и раненых, количество сбитых танков и самолетов, разрушенных городов и сел. Но почему

никто не подсчитывает разрушений, произведенных войной в душах человеческих? Или же многие, незаметно для самих себя, оказались в плену материалистических понятий? Привыкли мыслить только материальными категориями? Не в состоянии понять, почувствовать — что же происходит в человеческих душах? Считают это неважным?

Но ведь нельзя от вопроса этого уклониться; нельзя хотя бы потому, что революционная борьба, борьба за освобождение народа от большевистского угнетения не может быть ведома и объяснена только материальными предпосылками, не может не учитывать психологического состояния людей.

Тема эта большая. В маленькой статье не охватить всего ее разнообразия, всей ее многогранности. Одно только то обстоятельство, что половина народа в ходе событий оказалась под немецкой оккупацией, а половина осталась под большевистской властью — вносит значительные трудности в анализ событий и настроений минувшей войны. Из появляющихся все чаще и чаще в печати свидетельств и воспоминаний, написанных о прошедших годах как людьми, проводившими всю войну в рядах советской армии, так и людьми, с первых дней войны оказавшимися в немецком тылу — видно, как по-разному воспринимали они происходящее, как на многое смотрели разными глазами, какие различные чувства пробуждали в их душах одни и те же события.

Мы коснемся только одной, очень ограниченной, но вместе с тем очень важной, как мы полагаем, темы. Тема эта — отношение к большевистской власти в первые месяцы войны.

Официальные советские историографы, описывая начало войны, обязательно подчеркивают два основных положения: 1) внезапность немецкого нападения, и 2) несмотря на это, спокойное и «планомерное» поведение власти.

Первое из этих положений не выдерживает критики. Известно, что разведка союзников имела все данные о крупном сосредоточении немецких войск на восточных границах и открыто сообщала эти данные по радио; далее известно, что ТАСС в своем специальном сообще-

нии «опровергал» эти слухи; наконец, сама советская разведка располагала достаточно вескими данными о готовящемся нападении как через свою сеть, так и от перебежчиков из оккупированной немцами части Польши. Следовательно, легенда о «внезапности нападения» нужна для того, чтобы как-то оправдать события первой половины войны и «миролюбие» большевиков.

Не менее вопиющей ложью является второе утверждение советских «историков». Тут каждый может сам легко опровергнуть его. Достаточно вспомнить, только, как проходили первые дни войны в городе, селе, воинской части, где он в этот момент находился. Поведение советской власти было не только не спокойным и не «планомерным», — оно было паническим. Это была паника! Страх перед немцами? О, нет! Это был страх перед народом, страх перед приближающейся расправой. Поэтому десятки тысяч партийцев рвали свои партбилеты; поэтому жгли самые невинные архивы, и пепел носился над городами и селами, на всем российском пространстве, как символ обреченности; поэтому еще задолго до оставления населенного пункта войсками бежало почти все начальство, бежало не от немцев, которые находились за 100 — 150 километров; поэтому взрывали заводы, жгли здания, жгли хлеб, губили скот, разоряли страну — уходили, не надеясь вернуться.

На глазах народа рухнул искусственно созданный за годы ежовщины образ «мощной, всевидящей, жестокой, но непоколебимой власти». Страх таял в сердцах и место его занимало презрение. Презрение и ненависть за все содеянное. Страх народа перед властью исчезал по мере того, как рос страх власти перед народом, по мере того, как этот страх все более и более выступал наружу. Символом этого страха, как бы волевым в себя страх всех маленьких и больших поработителей народных, была сталинская речь в июле 1941 года. Стоя перед микрофоном он не мог не понимать, какие чувства испытывают к нему миллионы слушающих людей. И нависшая расплата, предвидение ее, заставило дрожать его руки и клацать зубами о стакан с нарзаном.

Таково было «спокойное и планомерное» поведение власти.

Сказкам о том, что «благодаря т. Сталину и паотии большевиков», были по-

(Окончание на стр. 7)

В номере:

М. Д.
КРАСНАЯ АРМИЯ В 1933 Г.

Г. Андреев
НЕГОДНОЕ СРАВНЕНИЕ

Григорий Климов
В БЕРЛИНСКОМ КРЕМЛЕ